

Наталья КЛУШИНА, профессор
кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ

ВЫСАЖИВАТЬ

КАК КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ В ХАРЬКОВ ПРОБИРАЛАСЬ

принимаете? Мне уже поздно революции совершать». Но тут я вспомнила, что мне говорила проводница: еще недавно, когда Крым воссоединился с Россией и когда не было украинской таможни в Мелитополе, а российской — в Джанкое, поезд Петербург — Севастополь ходил пустой, его в любой момент могли вернуть обратно. «Заходят пограничники ко мне в вагон, видят, что нет пассажиров, и просят у меня чай в пакетиках. Я им говорю: «Пассажиров нет, и продуктов нет». А они: «Дай хоть моеющее средство, мы не можем с пустыми руками к начальству идти». Их даже жаль было».

А теперь, когда поезда ходят набитые пассажирами, — раздолье, можно бизнес на этом делать. В подтверждение своих мыслей я услышала: «Ладно, я вас предупредил, какие документы вам нужны, в следующий раз будьте осмотрительней. А я буду рад, если вы отблагодарите меня». Я, конечно, противница взяток, но тут пошла на сделку с совестью и сунула ему в карман триста рублей — все, что было отложено на дорогу.

«Сколько вы ему заплатили? — кинулась ко мне женщина из соседнего купе, у которой тоже был российский паспорт, когда я вернулась в вагон. — Триста? Это мало. А мне их начальник сразу сказал, чтобы я выложила две тысячи рублей».

Самое интересное: мой багаж никого из проверяющих не интересовал, к нему никто даже не притронулся — хоть «коктейли Молотова» провози...

«У НАС ПОЛСТРАНЫ ДУРАКОВ»

Сам Харьков показался мне в этот раз нервным, хотя и по-прежнему красивым — цвели каштаны, яблони и вишни, на газонах — душистый табак и ландыши...

Кому бы я ни живописала свои дорожные приключения, все молчали или переводили разговор на другую тему, чувствовалась какая-то отчужденность, даже с друзьями не получалось откровенного разговора. Все прояснилось, едва я включила телевизор, чтобы посмотреть украинские новости: там был настоящий кошмар, в котором смешались гражданская война, информационная война, превращение праздника Победы в день памяти и скорби, президентские выборы... В углу экрана — жовто-блакитный флаг с надписью «Єдина Країна», а вместо георгиевской ленточки — новая украинская символика, красный мак, который первым начали использовать американцы, чтобы почтить память своих солдат, погибших в Первую мировую.

Меня сильно расстроила отмена парада и фейерверка на 9 Мая, ведь этот праздник всегда ждут ветераны, ждут патриоты, ждут те, кого никакими силами не поссорить с россиянами, те, кто ощущает общность с Россией корнями. Мэр Харькова Геннадий Кернес, которого израильские врачи приводят в работоспособное состояние после покушения, обратился к харьковчанам со словами о сокращении праздничной программы 9 Мая, чтобы «отдельные политические силы, для которых память о погибших в той войне ничего не значит, не превратили бы День Победы в день погромов». И тем не менее антифашисты, скандируя: «Фашизм не пройдет!» и «С

Днем Победы!» — пронесли огромную георгиевскую ленту по проспекту Ленина, обвинили его бронзовую статую Воина-освободителя на улице 23-го Августа, получившей свое название в честь освобождения Харькова от фрицев, и провели-таки свой праздничный митинг.

А в это время из телевизионного ящика неслось обращение назначенного радой премьера Яценюка: «Антитеррористическая операция, которая длится в Донецкой области и где наши воины демонстрируют такую же доблесть, как их деды и прадеды в Красной Армии или УПА, направлена исключительно против террористов. Против тех, кто взял в руки оружие и убивает».

Я поинтересовалась у своих друзей, которые изначально выступали против власти Яныка и всеми фибрами своей революционной души были с евромайданом, аккуратно посещали протестные митинги возле памятника Тарасу Шевченко: не смущает ли их фраза Яценюка, соединившего несоединимое в одно целое?

«Нет, не смущает, — ответила мне подруга, у которой отца по малолетству не взяли в армию в начале войны и он всю Великую Отечественную проработал в тылу, на радиозаводе, где своим трудом помогал фронту и тоже ковал Великую Победу. — И потом, я знаю людей с Западной Украины — они ничего плохого не говорят о бандеровцах. Если бы то, что пишут о них, оказалось правдой, то эти люди бы знали».

И тут я поняла: бесполезно что-то доказывать, приводить аргументы, вспоминать зверства бандеровцев, Хатынь, во львиную резню, учиненную УПА, — меня не слышат и не хотят услышать. Я им — про братские страны, дружбу народов, про общие корни, а мне в ответ: «Зачем закрывается в Симферополе украинская гимназия?» И невдомек, что родители пишут отказы в Министерство образования, потому что не хотят отдавать туда своих детей. Ну и конечно, то, что до этого за время самостоятельности массу русских школ «прихлопнули» не только в Крыму, где, кстати, до этого школьники никогда не изучали украинский язык, но и по всей Украине, никого не колышет. Не вспоминают, что в 90-е годы в самом русскоязычном Харькове наступили на права русского населения и в одночасье не только школы сделали украинскими, но и преподавание во всех вузах стали вести на мове.

Словом, я чувствовала себя Штирлицем, который заперся в комнате и пел русскую народную: «Ой ты, степь широкая,

Уезжала я из Харькова с тяжелым сердцем, с собой практически ничего не взяла — побоялась таможни. Но меня никто не проверял, снятием с поезда не угрожал, обратный путь был таким легким, что об этом даже неинтересно писать.

Митинг у статуи Воина-освободителя в Харькове 9 Мая все-таки состоялся.

степь привольная». И думала, что моя откровенность может принести мне только неприятности.

Тем более что один мой сосед, милиционер на пенсии, так и заявил: несогласных надо расстреливать. «У нас полстраны дураков — это коммунисты, регионалы и еще кое-кто, — стал загибать он пальцы. — С ними нельзя договариваться, их можно только стрелять». На мои возражения, что надо все-таки слышать друг друга, особенно когда страна разрывается на части, он, считающий, что все дело может поправить Шоколадный Заяц, то есть Порошенко, если станет президентом, заявил: надо запретить партии коммунистов и регионалов. Расстрелял бы, кстати, и Тимошенко, злоупотребляющую военной риторикой, «за то, что у нее крыша поехала», и Турчинова, и Яценюка...

Между прочим, в самом Харькове неплохой поддержкой пользуется Михаил Добкин, который в эфире программы у ставшего модным Савика Шустера появился с георгиевской ленточкой и заявил, что надо договариваться, что Украина не Крым потеряла, а крымское население, которое ушло в Россию вместе с территорией. Но слышать тех, кто высказывает отличную от «майданутых» точку зрения, на Украине сейчас не в состоянии. По телевидению только и слышишь о пророссийских активистах юго-востока: террористы, сепаратисты, коллаборационисты, колорады, бандиты, наркоманы, мародеры, маргиналы... И ни слова о том, что с участковых терапевтов, мерскер сняли надбавки, что дорогие лекарства для гипертоников, которые для них раньше были бесплатными, теперь нельзя выписать, что пенсии задерживают, что хлеб подорожал, не говоря уже о плате за ЖКХ...

Аннексия Сознания

ЛЮБАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ВСЕГДА
ОБОРАЧИВАЕТСЯ БОРЬБОЙ
ЗА ПРАВО ГОВОРИТЬ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА между Украиной и Россией, развернувшаяся после февральских событий, реализуется как война идеологием.

Украинские политики и журналисты идеологическое кодирование массового сознания строят на архетипической антиномии «свой — чужой». Все, что попадает в область своего, одобряется, безоговорочно (я бы сказала — бездумно) принимается и оценивается положительно. Чужой — это враг, даже если он хочет помочь, приводит разумные аргументы и объясняет свои поступки. Это эффективный, опробованный, но стандартный и варварский (в значении — «племенной») способ ведения идеологической войны.

Сложные с точки зрения истории, культуры, геополитики события (воссоединение Крыма с Россией, раскол Украины на Восток и Запад, насильственное свержение украинского правительства и президента) в украинских СМИ редуцированы и уложены в прокрустово ложе политических ярлыков: аннексия Крыма, российские оккупанты, пророссийские сепаратисты, российская агрессия и т. п.

Тотальность и частотность этих агрессивных идеологий в украинских СМИ (вместо аргументации и анализа сложившейся ситуации) влияет на психоэмоциональную сферу читателя или зрителя и включается в коллективное бессознательное как наиболее простое и понятное объяснение происходящего, что в конечном итоге создает коллективную консолидированную мировоззренческую модель общества.

Но такое прямолинейное идеологическое кодирование в современном информационном обществе невозможно, поскольку в глобальном информационном пространстве существует и другая интерпретация происходящего.

Российские СМИ используют нестандартную информационную стратегию в данной войне: они отказались от тривиального образа врага и выстраивали альтернативную интерпретацию украинских событий, удваивая тем самым информационную картину мира, предоставляя альтернативу адресату: сепаратисты — сторонники федерализации; независимость Крыма — независимость Косова; противостояние на Майдане — противостояние на юго-востоке Украины и т. п.

Подобные аналогии и аргументы демонстрируют нарочитый алогизм и абсурдность идеологических номинаций в украинских массмедиа: не бывает миролюбивых, дружественных оккупантов и аннексии без единого выстрела. Но намеренное разрушение аналогий и причинно-следственных отношений формирует «разорванное», так называемое клиповое массовое сознание, которым легко управлять.

Предоставление российскими медиа альтернативной, уважительной и цивилизованной интерпретации событий на Украине (ср.: российские оккупанты/украинский братский народ), то есть удвоение «реальности массмедиа», не позволяет осуществить аннексию сознания украинского массового адресата. Поэтому украинские власти, небезосновательно назвав российских журналистов «Информационные силы России», капитулировали перед российскими СМИ — отключили российские телеканалы на территории Украины.